

Ци Муцин принес свои извинения искренне. Глядя на этого доброго учителя, который действительно когда-то ему помог, он не мог понять, как сам мог стать таким неблагодарным мерзавцем.

Увидев в глазах Ци Муцина глубокое раскаяние и отвращение к самому себе, Сун Цзыюй почувствовал, как сердце его смягчилось, а на душе стало еще тяжелее. Он погладил юношу по покрасневшей щеке:

— Это не твоя вина. Это я виноват.

Он понимал, что для парня это стало огромным потрясением. Если бы подобная случайность произошла с девушкой, тот, возможно, не был бы так шокирован, но ведь он — взрослый мужчина. Сам Сун Цзыюй не питал влечения к своему полу, но под воздействием алкоголя, когда разум затуманен, близость с красивым молодым человеком казалась чем-то почти неизбежным.

— Нет, все это моя вина! Если бы я не поддался дурным мыслям и не предложил тебе выпить, ничего бы не случилось! — Ци Муцин резко сел, не в силах скрыть стыд на лице. Услышав, что учитель не только не винит его, но еще и утешает, он почувствовал себя последним подонком.

Слушая его, Сун Цзыюй вспомнил вчерашние намеки юноши о том, что если учитель не хочет больше преподавать, то может порекомендовать его на свое место. Теперь все встало на свои места. Сам он не считал это чем-то постыдным — его нынешнее состояние действительно требовало пересмотра планов на работу. Он машинально коснулся своей онемевшей правой ноги, взгляд его потемнел, но тут же он тихо вздохнул.

— Ладно, вчерашнее было просто случайностью. Давай сделаем вид, что ничего не произошло. Сейчас я попрошу тебя об одолжении: свари, пожалуйста, немного каши, хорошо? Я проголодался.

Выражение лица Сун Цзыюя было спокойным, как и много раз прежде, когда он ненавязчиво оберегал хрупкое самолюбие юноши.

Все слова, что рвались наружу, Ци Муцин проглотил под этим мягким, но непреклонным взглядом. Желание во всем признаться, которое теснилось в груди, вмиг испарилось — у него просто не хватило смелости. Он не хотел предстать перед учителем подлым и бесстыдным человеком. Медленно поднявшись, он начал одеваться, украдкой поглядывая на мужчину, который уже отвернулся и смотрел в потолок.

Неловкость, сковывавшая Ци Муцина, мгновенно улетучилась, и он проворно натянул одежду, спрыгнув с кровати.

Комната Сун Цзыюя была невелика, но содержалась в образцовом порядке. Небольшое пространство делилось тканевой занавеской на спальную зону и прихожую, где у окна стоял разделочный столик с маленькой плиткой и нехитрой кухонной утварью. Синий полосатый

диван и журнальный столик — вот и вся обстановка.

Сун Цзыюй медленно приподнялся, опираясь на кровать. Наблюдая за тем, как юноша ловко промывает рис и варит кашу, он неожиданно для себя почувствовал тепло. Вспомнив вчерашние слова парня о желании преподавать, он принял решение.

Последние несколько дней Ци Муцин спал на диване в гостиной. После разрыва с семьей он жил у учителя, а теперь, когда тот особенно нуждался в заботе, он тем более не мог уйти. Как бы он ни планировал свою жизнь раньше, сейчас он просто не мог поступить так подло.

Первоначальная неловкость постепенно уступила место привычке, видя, что учитель ведет себя как обычно.

— Муцин, подойди сюда.

Ци Муцин, сидевший на диване с книгой, тут же отложил ее и отодвинул занавеску:

— Что случилось? Нужно в туалет?

— Примерь, подойдет ли? Я попросил соседку, тетюшку Чжан, купить это, ориентируясь на размер твоей старой одежды, — Сун Цзыюй протянул ему сверток.

Ци Муцин удивленно посмотрел на учителя и развернул вещи: белая рубашка и черные брюки.

— Мне? Нет, я не возьму.

Он попытался вернуть одежду Сун Цзыюю:

— У меня есть что носить, учителю не стоит тратить деньги впустую.

Сун Цзыюй улыбнулся, не принимая вещь обратно:

— Разве ты не хотел попробовать себя в роли учителя? Я хочу отвести тебя к коллегам из первой начальной школы.

Ци Муцин не ожидал, что тот помнит о его словах. Нахмурившись и поджав губы, он ответил:

— Спасибо, учитель Сун. Тогда я просто не подумал, я больше не хочу быть учителем. Спасибо вам, я узнаю у тетюшки Чжан, где она купила эти вещи, и мы их вернем.

Видя, что отказ ничуть не рассердил Сун Цзыюя, Ци Муцин подумал, что добрее человека, чем

его учитель, просто не существует. Немного помедлив, он добавил:

— Думаю, стоит быть экономнее, транжирство — это нехорошо. Я тут походил, поискал работу, пока не нашел, но как только устроюсь, смогу помогать с расходами по дому.

Пусть он и остался здесь, чтобы ухаживать за учителем, жить на всем готовом было неправильно.

— Ну уж нет. У меня сейчас ноги не ходят, неужели ты хочешь, чтобы я, инвалид, продолжал преподавать? Я не хочу, чтобы на меня каждый день глазели, — Сун Цзыюй улыбнулся гораздо светлее. Впервые за те несколько месяцев, что прошли после аварии, он упомянул свою травму без горечи.

— Но... — Ци Муцин запнулся, глядя на учителя, который держался с таким достоинством и легкостью. В школе Сун Цзыюй всегда пользовался популярностью: вечно в очках, с тихим, мягким голосом, он внушал трепет даже самым отъявленным хулиганам, а его дисциплина была лучшей. О том, как на него смотрели ученицы, и говорить нечего. Ци Муцин, конечно, тоже им восхищался — это и называлось харизмой.

Но сейчас он уважал его еще больше: человек, привыкший к успеху, после столь страшного удара судьбы нашел в себе силы улыбаться, оставаясь таким же мягким и деликатным. Ци Муцин понимал, что сам он на такое не способен.

— Я пока не готов ловить на себе жалостливые взгляды, поэтому рекомендую тебя. А ты будешь платить мне пять юаней в месяц за еду и жилье, договорились? — Сун Цзыюй потянулся за чайной кружкой, иронизируя над самим собой.

Глядя на уверенность учителя, Ци Муцин не стал больше спорить. Этот человек остался прежним: если он что-то решил, то переубедить его невозможно.

Пять юаней — цена справедливая, но только если бы это место не было уступлено самим учителем. Замещающий учитель получал около тридцати юаней. Когда Ци Муцин жил дома, вся его семья, работая до изнеможения, едва могла отложить сто юаней в год, и это считалось зажиточной жизнью.

— Но ведь вы же сами отказывались? — Ци Муцин все еще чувствовал себя не в своей тарелке. Это было то, о чем он мечтал, но, глядя в лицо Сун Цзыюю, он был готов провалиться сквозь землю от стыда.

— Я подумал, что такого простодушного парня, как ты, если он пойдет искать работу на стороне, просто загрызут, — Сун Цзыюй произнес это на местном наречии, и, глядя на то, как Ци Муцин, несмотря на свою привлекательную внешность, покраснел до корней волос, почувствовал облегчение.

Сун Цзыюй вырос в семье рабочих, но чаще был предоставлен сам себе. Сколько он себя помнил, родители постоянно ссорились, и его часто оставляли у соседей. Он вырос вместе с Сунь Цинхэ, но после смерти родителей разругался и с ним. Когда представился случай, он уехал в эти края, став по-настоящему одиноким человеком.

Воспоминания о прошлом немного испортили настроение.

— Ладно, решено. Иди примерь одежду. Если не по размеру, попроси тетюшку Чжан подшить. Я сказал, что ты мой лучший ученик, не позорь меня.

Видя, что учитель снова углубился в книгу по химии, Ци Муцин взял одежду и задернул занавеску.

Он все решил. Учитель Сун сделал для него очень много, а он не только вынашивал гнусные мысли, но и подстроил ту ситуацию. Вспоминая, как выглядел учитель после того случая, как пролежал несколько дней, Ци Муцин покраснел еще сильнее.

Он будет заботиться о Сун Цзыюе. Эта мысль стала четкой, и он наконец понял, что за смутные чувства не давали ему покоя в последнее время. Он приоткрыл занавеску и через узкую щель посмотрел на спокойный, красивый профиль женщины в лучах солнца, глупо улыбнувшись.

— Что такое? — Сун Цзыюй заметил взгляд и обернулся.

Ци Муцин тут же отпрянул.

Слушая шорох одежды за занавеской, Сун Цзыюй усмехнулся: совсем еще мальчишка.

— Учитель Сун, когда я получу зарплату, я отдам ее всю вам, — раздался приглушенный голос юноши.

В этот раз Сун Цзыюй отодвинул занавеску. Ци Муцин как раз надел брюки и рубашку, но еще не застегнул пуговицы, обнажая крепкую грудь и подтянутый живот. Взгляд Сун Цзыюя на мгновение задержался на рельефных мышцах пресса, после чего он невозмутимо опустил занавеску.

— Хорошо, — ответил он и продолжил читать, но странные символы в книге вдруг стали напоминать ему крепкие мышцы юноши, отчего в горле запершило.

Сун Цзыюй привел Ци Муцина к заведующему учебной частью первой начальной школы. Успеваемость Ци Муцина была невысокой, даже в средней школе он плелся в хвосте, но для начальных классов этого было достаточно. К тому же Сун Цзыюй уступал свое место, так что исход дела был почти предрешен — оставалось лишь произвести впечатление на заведующего.

— Не нервничай, учитель Сунь просто задаст пару вопросов. У тебя с собой диплом об окончании средней школы и справка из первой школы? — Сун Цзыюй похлопал по плечу Ци Муцина, который, едва дойдя до школы, замедлил шаг, и попросил помочь ему спуститься.

Ци Муцин наклонился, позволив учителю опереться на свое плечо, и подал костыль.

— Молодость, — улыбнулся Сун Цзыюй, — даже не запыхался. — Он помог юноше поправить воротник и расстегнул верхнюю пуговицу на наглухо застегнутой рубашке. — Так гораздо лучше.

Сун Цзыюй с одобрением посмотрел на него и, опираясь на костыль, двинулся вперед.

— Давайте я вас понесу! — Ци Муцин, ошеломленный его улыбкой, опомнился, когда учитель уже зашагал к кабинету, и поспешил следом.

У входа в кабинет заведующий Сунь, услышав шаги, вышел навстречу:

— Ой, учитель Сун, ну зачем же вы сами пришли! — Он распахнул дверь, приглашая их войти.

Когда они сели, Сун Цзыюй, прижимая к себе кружку, тяжело дышал, а на лбу выступили капли пота — эти несколько шагов дались ему нелегко. Заведующий Сунь с грустью смотрел на когда-то блиставшего Сун Цзыюя, и даже зависть к его густым волосам исчезла.

— Это человек, которого я рекомендую, он был моим учеником, — Сун Цзыюй не любил, когда на него смотрели с жалостью, поэтому сразу перешел к делу.

— Учитель Сунь, — кивнул Ци Муцин.

Заведующий перевел взгляд на юношу. Осмотрев его с ног до головы, он отметил ясный взгляд, серьезное лицо и аккуратную белую рубашку, которая подчеркивала стройную фигуру. Может, он и не обладал той утонченностью, что была у Сун Цзыюя, но определенно нравился женщинам.

Заведующий погладил свою лысеющую голову, чувствуя укол ревности, но все же сказал:

— Раз вы его рекомендуете, я вам доверяю. Вот текст для четвертого класса, прочитайте.

Ци Муцин взглянул на учителя, взял книгу и начал читать. Четкие слова, стандартный путунхуа — он звучал почти как диктор.

Заведующий кивнул:

— Хорошо. У нас как раз вакансия учителя математики в четвертом классе. Каникулы скоро

закончатся, через неделю приходите оформлять документы.

Ци Муцин был вне себя от радости, а Сун Цзыюй лишь ободряюще улыбнулся:

— Вот и отлично, я как раз приду оформлять свое увольнение, заодно и встретимся.

Эти слова были сигналом для заведующего, что место освобождается, и можно действовать.

— Твой ученик оказался совестливым, неудивительно, что ты решил ему помочь, — сказал заведующий, зная, что после аварии Сун Цзыюя именно этот ученик бегал вокруг него.

Выйдя из школы, Ци Муцин подпрыгнул от счастья.

— Ну чего ты так радуешься? — Сун Цзыюй с усмешкой наблюдал за ним. Только что парень был серьезным и важным, а теперь снова превратился в мальчишку.

— Конечно, я радуюсь! — Ци Муцин был возбужден. В его деревне все поколения гнули спины на земле, и работа на государственном обеспечении была пределом мечтаний. Его брат был гордостью семьи, потому что умел учиться, и смог вырваться из гор. Для Ци Муцина учеба была единственным способом изменить судьбу.

И вот теперь, пусть и благодаря учителю, он сам стал учителем.

— Учитель Сун, не волнуйтесь, я буду хорошо работать, зарабатывать деньги, а потом... — Ци Муцин запнулся, поймав веселый взгляд Сун Цзыюя, и смущенно рассмеялся.

— А потом что? — Сун Цзыюю стало неожиданно легко на душе. Он понял, что совсем не знал этого ученика: раньше тот всегда молчал, читал книги, был почти незаметен, а теперь начал улыбаться. В нем была какая-то неиссякаемая энергия.

— Я донесу вас до дома, — сказал Ци Муцин, наклоняясь. Он хотел накопить денег, чтобы отвезти учителя в большую больницу. Врачи говорили, что шансы малы, но не исключали их полностью. Сначала в областную больницу, если не поможет — в Пекин. Он должен был попробовать все.

Юноша рядом больше не улыбался глуповато. Его взгляд был серьезен, а белая рубашка сидела на нем безупречно — он выглядел как герой из историй о юноше в белом.

— Учитель Сун. — Ци Муцин, стоявший в согнутом положении, вдруг замер. Заметив костыль в руке учителя, он хлопнул себя по лбу, пододвинул плечо ближе и взял костыль.

Прекрасное видение разбилось. Сун Цзыюй не стал сомневаться в искренности парня, он верил, что в этот момент тот говорит от чистого сердца.

Но учитель Сун был не наивным мальчишкой. Он повидал жизнь и знал, что человеческие сердца переменчивы. Сначала все полны добра, но, столкнувшись с реальностью, люди меняются до неузнаваемости.

Даже он сам. Он не собирался уходить с работы, но теперь, даже если бы школа и пошла ему навстречу, он не хотел быть обузой. У него были сбережения, но они не бесконечны.

Помогать Ци Муцину с учебой для одинокого человека было несложно. Он знал, что парень не был любим в семье, но был упрям. К тому же, он действительно не был рожден для науки, но три года — срок небольшой, и учительская совесть Сун Цзыюй была чиста.

Поведение Ци Муцина после аварии было похвальным, он взял на себя много дел. Сун Цзыюй чувствовал, что этот ученик по крайней мере умеет быть благодарным. А когда тот хотел занять его место — Сун Цзыюй просто отказал, и все.

Но вспоминая ту пьяную ночь, а потом то, как парень стыдился и как старательно ухаживал за ним, он оттаял. Люди всегда эгоистичны, но этот ученик был на редкость добрым и честным. Он не совершил ничего непростительного, а вел себя так, будто искупал великий грех.

<http://bllate.org/book/21591/2225487>